

Иеромонах Гурий

Нигилистический принцип буддийской философии и современные течения в ламаизме священномученик Гурий (Степанов)

(Из речи перед защитой диссертации на тему «Буддизм и Христианство в их учении о спасении», Иером. Гурия, доцента по кафедре Истории миссии, этнографии монгольских племен и калмыцкого языка).

Общеизвестная читающей публике литература о буддизме на русском и иностранных языках склоняется видеть сущность буддизма в 4-х известных, так называемых, благородных истинах: истине о страдании всего сущего, истине о происхождении страданий, об уничтожении страданий, о пути, ведущем к уничтожению страданий. Когда я приступил к изучению предмета своего исследования, то анализ указанных истин буддийской вероучительной догмы мне скоро раскрыл, что метафизического, или вернее, основоположительного характера здесь только одна вторая истина, именно, истина о происхождении страданий. Данная истина видит метафизическую причину страдания сущего в *неустойчивости всего существующего*. Это – истина о *происхождении всего из взаимной связи, истина о сущем, как исключительно только цепи причин и следствий*. Ясно, что указанная истина, раскрывая философскую сторону буддийского мировоззрения, углубляет вопрос о его подлинной сущности и намечает иные горизонты для более существенной характеристики основоположений буддизма. Если все сущее: материальное бытие, человек, его душа и проч. по своей подлинной сущности только – *цепь причин и следствий и более ничто*, – то во что же разрешается буддизм, во что разрешается вся восхваляемая его поклонниками нравственная высота, во что разрешается буддийское спасение, призывом к которому начинается и которым кончается всякая буддийская книга, во что разрешается, наконец, и вопрос о последней сущности буддизма, как философии жизни, как цельного мировоззрения. Логика мысли ясно указывала на нигилистический принцип доктрины.

Но иное дело логика анализирующей критической мысли, иное дело тексты, догматика религиозного учения. Говорят ли о нигилизме

буддийского вероучения буддийские вероучительные книги? Разыскивая во многих исследованиях по буддизму подробного текстуального раскрытия интересующего меня вопроса, я весьма слабо удовлетворялся тем, что находил. Характеризуя сущность буддизма, некоторые ученые логически приходили к заключению о нигилистическом принципе этой доктрины, но они именно приходили только логически, и не могли подтвердить своих воззрений фактически подлинными текстами свящ. буддийских писаний, или подтверждали не прямо, но косвенно, и слишком небольшим количеством текстов. Причина этого заключалась в том, что большинство книг о буддизме описывают буддизм хинаяны, где преобладают 4 указанных благородных истин, т. е. они описывают буддизм первой стадии его развития, где идеи буддийского учения еще не развились во всей полноте и нигилизм буддийской философии был еще как бы в зародышевой форме. Читая книгу известного русского синолога Васильева «Буддизм, его догматы и история», написанную по тибетским и китайским источникам, я встретил обоснованное рассуждение о том, что буддизм, не остановившись на созданных им 4-х благородных истинах своей вероучительной догмы, стал развиваться дальше, и что сущностью буддизма II-ой стадии его развития, буддизма Махаяны (процветавшего в Тибете) было *учение о пустоте*, и что учение о пустоте, как последней сущности всего сущего – сердце Махаяны. Здесь, таким образом, утверждался нигилистический принцип буддийской доктрины, из самой сущности учения.

Понятен мой интерес к буддизму Махаяны и сосредоточение на нем главного внимания по исследованию основ буддийского учения; это тем более, что тибетский буддизм есть вероучение наших калмыков и бурят, которых одно упоминание о Тибете приводит в священный трепет, почему для лиц, призванных работать и для целей православной миссии, не столько важен буддизм индийский, сколько буддизм Тибета и Монголии.

Когда я сосредоточил свое внимание на буддизме Махаяны, – то почти совершенное отсутствие печатанных работ по этому вопросу явилось причиной того, что этот предмет исследования мною был разработан главным образом по первоисточникам и неизвестным в печати рукописным трудам ученых русских синологов. За эти первоисточники мною были взяты свящ. тексты махаянического буддизма в английском переводе в «Sutra Mahajana», сравнительно недавно изданные и собрание буддийских текстов Warren'a Buddhism in translation (изд. в 1900 г.); причем с особенным вниманием я анализировал основные книги махаянического буддизма Pragna Paramita и Vagbrakkedika.

Дальнейшими первоисточниками моей работы были священные буддийские книги в текстах тибетском, монгольском, калмыцком: (Рюмтай намшаг, Тонилхуин чимэк, Торба Ченбо, Оуни зула, Иертунцуин толи, Гурбан утхаин ген кётольбури, Бодиморин кётольбур, Бодимөр и др.). Эти первоисточники, особенно философское сочинение «Рюмтай намшаг», сочинение, совершенно неизвестное печатанным трудам по буддизму, ни русским, ни иностранным, и раскрыли пред мной столь мало исследованную сущность махаянического буддизма. Они (главным образом «Рюмтай намшаг») дали мне возможность указать на следующие (четыре) печати Будды, или 4 основных фундаментальных – истины махаяны.

и) Все то, что сложно, иначе все существующее, не вечно.

2) Все, находящееся в непрерывной связи и в последствиях от такой связи, иначе все то, что подвержено закону причины и следствия, все это мучительно.

3) Все предметы, видимые и невидимые, весь мир материальный и духовный не имеет «я», он пуст по своей сущности.

4) Нирвана, сводящаяся к заглушению сознания и всякой вообще жизнедеятельности, есть успокоение от мучений.

Эти истины, как видим, наилучшим образом выясняют подлинную сущность буддийского учения, как учения нигилизма, как философию пустоты и голого отвлечения.

Пособиями при изложении учения махаянического буддизма у меня были также совершенно неизвестные в печати рукописные труды известных русских синологов: Васильева, Ковалевского, Бобровникова. В Библ. Азиатского музея СПб. я отыскал громадный 3-х-томный труд Васильева «Буддийский терминологический лексикон», рукопись, между прочим анализирующую и объясняющую многие термины махаянического буддизма. В приобретенной нашей академией библиотеке известного знатока буддизма Ковалевского я нашел несколько рукописей самого Ковалевского с ценными данными по исследованию махаянического буддизма. Я пользовался также рукописными трудами Бобровникова: «Изложение религиозного учения монголов»... Устные наставления Манджушри и проч.

Сосредоточив в своих руках обильный *фактический материал*, я старался насколько возможно *подробнее и достовернее*, установить то положение, что основною сущностью буддийского учения является учение о пустоте, как последней сущности всего сущего, и что, поэтому, буддийское спасение есть призыв к смерти, к слиянию с пустотой.

Соответственно нигилистическому учению буддизма мною были указаны и те пути, та техника спасения, которая ведет буддиста к слиянию с пустотой. Раскрытие основного принципа буддийского учения – принципа пустоты и небытия – ясно обнаружило подлинную сущность буддийской морали, как совершенно не основанной на догме, чуждой ей и не вытекающей из нее. Это просто голос непосредственного чувства, вопль исстрадавшейся от бессмыслия жизни души человека, ищущей средств к облегчению жизненных страданий и примирение человека с пустотой окружающего бытия и его собственного существования.

Все это, вместе взятое, дало возможность выяснить настоящую ценность буддийского учения, истинное значение его моральных принципов, – и указать на христианство, как на единое истинное учение и единую истинную жизнь, которое ни в коем случае не может быть поставлено на одну плоскость с буддизмом.

Христианство является той богооткровенной религией, которая действительно раскрывает человеку истинный смысл его жизни, которая говорит человеку, что человек по своей сущности – *не пустое бытие*, как утверждает буддизм, а образ Всесовершенной Божеской сущности – творение Живого Всемогущего Бога, что он имеет неумирающую душу, созданную по образу Божию и предназначенную, через теснейшее единение со своим Любвеобильным Творцом, через жизнь Богообщения, к осуществлению, к проявлению этого образа (на земле), т. е. к Богоуподоблению. Христианство, таким образом, отвергая ложное утверждение буддизма о человеческом бытии, как пустом самом по себе, указывает и идеал человеческой жизни не в достижении нирваны – бытия призрачного и иллюзорного, а в стремлении к единению с Богом, в осуществлении реальной жизни Богообщения и Богоуподобления. Во Христе Иисусе христианство указывает не только зрителя веры, как буддизм в своем Будде, а Божественного Искупителя, Единородного Сына Божия, соединившего небо с землей и осуществившего человеку (исторически нарушенную им) возможность реальной жизни Богообщения и Богоуподобления. Оно, поэтому, является религией, действительно вводящей в вечную блаженную жизнь, реально, т. е. ощутимо для человеческого сознания, начинающую осуществлять уже здесь на земле те духовные обетования, которые (она) возвещает и к которым призывает. Это – религия единой истиной жизни, жажда которой чувствовалась и самим буддизмом, но не могла быть удовлетворена им, благодаря ложности его основ и принципов. Это – религия возвещающая высокий принцип любви, как сущность жизни Божества, образ Которого составляет

человек, и не только призывающая человека жить по идеалам любви, но и дающая, через жизнь Богообщения, действенные силы для должного осуществления идеальных принципов и проведения их в практику жизни.

Поэтому мы характеризуем отношение христианства к буддизму как религии истинной жизни к философии смерти.

Но подобное ознакомление с философствующим буддизмом, с его принципиальными идеями о пустоте и ничтожестве всего существующего, с философским отрицанием Бога в буддизме как Изначального Высшего Существа, души человека, как сущности неумирающей и вечной – может ли иметь какое-либо практическое, так сказать, миссионерское значение в отношении тех племен, которые исповедуют буддо-ламаизм и среди которых существует наша православная миссия?

На первый взгляд как будто кажется весьма странным, чтобы полуобразованное не говорящее даже по-русски духовенство степного народа могло интересоваться философскими идеями о пустоте всего сущего и опускаться умом вглубь философских отвлечений.

Но, не говоря уже о том, что все те буддийские сочинения, которые имели у себя под руками мы и указанные нами авторитетные знатоки буддизма, что все эти сочинения читает и образованное духовенство наших бурят и калмыков, – мы решаемся остановить внимание ученого собрания еще на одном весьма крупном явлении последних 2–3 лет, наблюдающемся в жизни ламаитов нашего государства: калмыков и бурят. От 12-го декабря 1906 г. в Управление Калмыцким народом (г. Астрахани) из Департамента Духовных Дел Иностранного Исповедания поступила бумага следующего содержания:

Тибетский старший Цанит Хамбо Лхарамбо Агван Дорджиев, указывая на неимение у калмыков высшей школы для воспитания лам, ходатайствует о разрешении устроить таковую школу в Малодербетовском улусе по примеру школы, существующей у бурят в Забайкальской области при Гусиноозерском дацане. Признавая устройство такой школы весьма желательным, Департамент просит заключения Астраханского губернатора. Когда из Управления калмыцким народом стали наводить справки относительно проектируемой школы, то оказалось, что попытки к основанию подобной школы у калмыков начались еще в конце 90-х годов прошлого столетия и что некоторое время такая школа даже существовала в несовершенном и малом виде до смерти ее основателя и руководителя гелюна Малодербетовского улуса База-бакши. В 1905 г., когда Далай Лама, убежав из Тибета от направлявшейся туда английской экспедиции, временно проживал вблизи русской границы в центр монголо-ламайского

мира – известной Урге, он благословил представителей от астраханских калмыков, и духовенства на продолжение «чойри» – высшей буддийской школы как необходимого учебного заведения для буддийского духовенства. И вот весной 1906 г. в Малодербетовский улус прибыл, в свое время близко стоящий к Далай-Ламе, тибетский ученый (из монголов) Агван Дорджиев для оборудования вновь открывающейся высшей школы.

Он объехал северную и южную часть Малодербетовского улуса, собрал значительные пожертвования и при содействии нойона Тундутова начал постройку школы и примыкающих к ней зданий для учащихся в семи верстах от урочища Амта Бургуста северной части Малодербетовского улуса.

В нынешнюю летнюю поездку по калмыцким степям нам посчастливилось достать подробный устав этой открывшейся и в настоящее время уже легализованной Русским Правительством высшей буддийской школы: «Чойри-цанит». Устав школы ясно показывает, какое громадное влияние на поднятие ламаизма будут иметь воспитавшиеся в этой школе питомцы, и с какой могучей силой сопротивления встречается здесь наше миссионерское дело.

Под «Цанит-Чойри» разумеется высшее духовное учебное заведение, своего рода духовная академия, которая имеет целью, уяснивши своим ученикам заповеди и волю Бурхан Бакши, т. е. Будды, показать им, как исправлять злое, удаляться дурного, поступать правильно в жизни и через познание истинного смысла парамит (путей спасения) стремиться к нирване.

Ради этого здесь проходятся следующие 5 предметов буддийской богословской науки:

а) 23 билик-парамит буддийского учения, изложенные в двух книгах, называемых по-тибетски: «Юм» и «Парчин».

б) 13 томов «Дульва» (Ванаи), изложенные в одном томе.

в) Краткий учебник толкований (герменевтика) под названием «Зод» (Абидармы).

г) Курс диалектики индийского ученого Дармакирти, под названием «Намрал».

В первых 4-х классах *калмыцкой* Цанит-Чойри преподаются творения буддийских богословов (или как их называют «пандит») в изложении пандиты Дармакирти. С 5-го курса по 9 включительно: «Юм» (Догматика). В 10 и 11-м сочинения Чандра-Кирты и Зонкавы; в 12 Абидармы (Зод); в 13-м Виная (Дульва). К этим тринадцати годам обучения еще прибавляется пять лет повторительных. И того, мы имеем

дело с 18-ти летним курсом обучения.

Конечно для нас эти заглавия священных буддийских писаний, которые изучаются в Чойри-Цанит, пока пустой звук и, наверное, пройдет еще не мало времени, когда мы получим возможность знать достоверно, чему и как учат в тибетских школах, когда у нас увеличится число знатоков тибетского языка, которые достанут учебники ламайских школ и подробно ознакомят с их содержанием интересующихся лиц.

Но попытаемся, насколько это возможно, выяснить, какой характер по своему содержанию носит курс обучения в Чойри-Цанит.

Слово «цанит» – тибетское. «Цана» = мудрость; «нид» = основное свойство, сущность; «цанит» = сущность мудрости. Это учение, излагающее сущность мудрости, учение высшей догматики буддизма.

Изучение трактатов цанита начинается, по большей части, исследованием внешней природы вещей; сначала трактуют о внешней форме предметов, их цвете и пр. Затем переходят к трактату о бытии предметов и не-бытии; здесь исследуются вопросы о происхождении предметов: вечны ли они, или не вечны; подвержены ли разрушению или нет; существует ли что-нибудь вечно; могут ли быть названы вечными или нет: стихия воздуха, дух, божественная премудрость.

Затем излагается трактат о причинах и следствиях; сюда принадлежат вопросы о том, есть ли в природе вещи беспричинные и т. д. В следующем отделе рассматриваются свойства человеческого духа (мысли, знаний и других проявлений его).

Что касается автора того учебника, по которому совершается преподавание указанных отделов знаний, буддийского ученого Дармакирти, то проф. Спб. Унив. (по санскриту и тиб. яз.) Щербатский, по учебнику логики этого автора написавший исследование под названием: «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов», приравнивает автора по глубине его философских взглядов к Канту, приписывая ему наравне с другими философами Индии научную разработку идей Махаяны. Таков один отдел знаний, преподаваемых в Чойри.

Изучаемый в «Чойри-Цанит» Парчин излагает путь к достижению святости будды, деяния бодисатв, историю Будды Сакья-Муни.

В «Юме» говорится, прежде всего, о скептицизме в знаниях, затем объясняются истинные свойства пустоты и указываются пути избавления.

К учебникам же Цанита относится также, уже отчасти разобранные нами в печати буддийское сочинение «Ирумта намшаг» со своим философским изложением буддийских и небуддийских теорий¹).

Таким образом, мы видим, что открывшаяся школа, «Чойри-Цанит» является школой философствующего буддизма, школой, изучающей буддизм во всех тонкостях его высшей догматики до идей пустоты и небытия включительно. Уже это одно побуждает нас иметь руководства, с одной стороны, знакомящие с философствующим буддизмом по данным самих священных книг буддизма, а с другой стороны, указывающие и христианский критический взгляд на подобный буддизм, подлинную сущность его философских посылок и моральных принципов.

Но дело (еще) в том, что калмыцкие степи далеко не ограничились одним открытием высшей духовной школы. «Чойри-Цанит» произвела и производит на калмыков сильное впечатление. Этому способствует, кроме высоты преподаваемых в Чойри наук, строй школьной жизни и школьного обучения. В школе установлен строгий режим и здесь зорко следят за тем, чтобы учащиеся все свое время употребляли по возможности на обучение. Принимаются туда только юноши наименее способные по предварительному выбору и экзамену в хурулах.

Вставши на рассвете, ученики молятся в кельях. Пред восходом солнца по свистку раковины или барабанному бою собравшись, согласно требованию Винаи в здание Академии на общую молитву, но прочтении таковой, диалектическим методом повторяют заданные уроки. Затем отправляются в дома учителей и берут новые уроки. В обед по свистку раковины вновь точно также собираются в здание академии и по прочтении молитвы отвечают уроки. Затем на домах учителей вновь берут уроки, после чего расходятся учить их по своим кельям. Вечером в здании академии бывает общая молитва, а потом в кельях ужин. Летом ученики должны ложиться в 10 час. вечера, вставать в 5 утра; зимой спать ложиться в 12 ночи, вставать в 7 час. утра. Пища, принимаемая учениками «Чойри», должна быть жидкою наподобие чаю или кумыса. Твердую пищу, как, напр., мясо принимать воспрещается, согласно предписаниям Винаи, как затемняющую рассудок и наводящую сонливость. Ученикам запрещается без определенного дела посещать друг друга, допускать роскошь в келье, одежде, домашней утвари.

Запрещается разъезжать по ярмаркам и базарам, пить водку, курить табак, играть в карты. Блистательно окончившим курс «Чойри» даются ученые степени: «до-рамбо», «габджо» и «габши».

Что удивительного в том, если такая школа с широкой ученой программой и строгим деловым уставом жизни вызвала значительное духовное движение в пользу ламаизма.

Теперь, всего через какие-нибудь 2–3 года открытия – она уже

духовный центр всего Малодербетовского улуса, северной и южной части его, она – гордость всей калмыцкой степи. Здесь происходят съезды начальников калмыцких хурулов и духовенства, чему я сам был свидетелем прошлое лето, и подобного чему в калмыцких степях никогда не было раньше. Естественно, что открывшаяся школа вызвала сильное желание иметь еще подобные школы и в других местах обширных степей.

В 1907 г. в Икицохуровском улусе на урочище Санзырь началась, разумеется без предварительного разрешения, постройка новой высшей школы философско-медицинского типа, и когда уже собрали учеников и приступили к их обучению, стали хлопотать о легализации школы.

Так как вновь открывать подобные школы оказалось делом недешевым, да и сверх того, мешкотным, благодаря некоторым препятствиям со стороны русской власти (остановка самовольной постройки, зданий, требование обязательного изучения русского яз. и пр.), то Малодербетовские хурулы, как вообще хурулы передового по умственному уровню улуса, нашли другие пути для расширения программы своего образования. Не далее, как в прошлом году, съезд малодербетовских бакшей, исключительно по собственной инициативе, без какого-либо давления внешней силы или государственной власти выработал, согласно уставу Чойри-Цанит и согласно велениям буддийской веры, устав для хурулов своего улуса². Этим уставом проектируется более строгий образ жизни хурульного духовенства, похожий на жизнь питомцев Чойри, а главное, проектируется 11-ти летний курс обучения, на подобие курса Цанит-Чойри в несколько сокращенном виде. Таким образом мы встречаемся здесь с тенденцией из всех малодербетовских хурулов сделать маленькие «Чойри» с курсом, хотя и несколько низшим, но с программой, вмещающей в себе многие предметы Цанит-Чойри, как, напр., Юм и Порчин и Зод и др. В настоящее время малодербетовцы просят легализации выработанного устава и введения его во всеобщее употребление для всех хурулов. Таково влияние на калмыков основанной у них Агваном Дорджиевым высшей буддийской школы.

По слухам, не думают отставать от калмыков и буряты. Здесь также идут толки об основании высших духовных школ при дацанах» и о поднятии умственного уровня ламайского духовенства. Параллельно с этим идет националистическое движение в бурятских степях, усиленное стремление националистов создать национальную литературу на родном языке, распространение нового, созданного Агваном Дорджиевым, монгольского алфавита, кажется, имеющего целью объединить всех монголов письменности, происки японцев, печатающих на монгольском

языке различные издания, напр., учебники и проч.

Нет ничего мудреного, что при таких обстоятельствах легко может произойти усиленный умственный подъем и бурятского национального духовенства, что уже и начинает осуществляться.

Таким образом, мы стоим перед начинающимся умственным подъемом ламайского духовенства. Стоим перед стремлением его повысить умственный и нравственный уровень своей жизни. Желаем ли мы иметь более реальные, так сказать, ощутимые результаты этого стремления? Мы можем указать на начавшееся в последнее время издание на калмыцком и монгольском яз. священных книг буддизма для ознакомления с буддийским учением простого народа, предпринимаемое ламайским духовенством и осуществляемое литографским и типографским путем в Петербурге.

Нам известны уже две таких недавно изданных книги на калмыцком языке: «бурхан бакшиин арбан хојор зокал» и «эрдэни цоджид дакини энэркү седкилин үудэнесу бичиксэн мөн». На монгольском языке только что издан буддийский катехизис для школьного обучения и несколько других книг, например, Даммапада и проч.

В какую же сторону направлен умственный прогресс ламайского духовенства? Судя по стремлению к открытию высших школ, он направлен в сторону философского изучения буддизма, в сторону ознакомления с трудами буддийских ученых: Наганзаны, Дигнаги, Арьясанги, Дармакирти, Дарматоры, Джанджа Хутукту, Зонкавы.

Это были те ученые, которым буддизм обязан научной разработкой своей философии, это были те философы, которые развивали учение махаянического буддизма, которые делали научные попытки создать философию пустоты и голого отвлечения, которые отрицали Бога, как Единое Изначальное Существо, душу, как вечную неизменную сущность, которые создавали теорию познания, приводящую их к отрицанию реальности внешнего мира и нашего сознания, заставлявшие утверждать то положение, что весь мир и все окружающее есть по своей сущности небытие и абсолютная пустота. Это были, наконец, философы, которые открыли путь к тому, как философию из пустоты и голого отвлечения осуществить в практике жизни при помощи диан или созерцаний.

Мы в своей работа именно стремились утвердить то основное положение, что буддийская философия по своей подлинной сущности есть философия пустоты, что она, выходя из своих основ, не может иметь никакой морали, никаких нравственных предписаний, что она носит смерть сама в себе и что только в христианстве есть истинное учение и

истинная жизнь. Таким образом наша работа, совпадая в своем появлении с моментом начинающегося подъема умственной жизни и философского изучения буддизма ламайским духовенством, могла бы в некотором роде служить хотя малым пособием для борьбы с буддийско-философски образованными исповедниками ламаизма.

Это наши посильные стремления и желанья.

Приложение

Устав Чойри-Цанит

I. Общие положения

1. – Под Цанит-Чойри разумеется высшее духовное учебное заведение, в коем проходятся нижеследующие пять предметов буддийской богословской науки: а) 23 билик-парамиты буддийского учения, изложенные в двух книгах, называемых по-тибетски «Ўма» и «Парчин», б) 13 томов «Ду́лва» (Винайи), кратко изложенные в одном томе; в) учебник Толкований (Герменевтика) под названием «Зод» (Абид'арма); г) курс диалектики индийского ученого Дармакирты, под названием «Намрал».

Примечание. В Индии изучившим эти пять предметов богословия и сверх того прошедшим учение об искусстве, медицины и звуков дается по выдержании экзамена ученая степень «пандита». – В Тибет прошедший пять цанит-чоринских курсов получал до XVII века звание «габджо» или «габши». С XVII же века и по сие время выдержавший первым цанит-чоринский экзамен получает звание «лха-рамбо», выдержавший вторым «цо-рамбо», третьим – «.до-рамбо», четвертым – «габджо», выдержавший пятым ученой степени не получает. В Тибете, в Амдо, и Монголии, хотя и изучают три индийских прикладных науки (искусство, медицину и учение о звуке), однако не принято давать ученой степени «пандит». В Амдосских монастырях Гумбум, Лаврин и проч. изучившим все эти предметы даются ученые степени «до-рамбо», «раб-джамбо», «габджо», в Монголии же и у бурят – только звание – «габджо».

2. – Не преследуя практических целей, академия – чойри ставит себе единственной задачей совершенствование в богопознании и богопочитании ради достижения блаженства в будущей жизни.

3. – В Чойри обучаются хурульные ученики преимущественно из Малодербетовского улуса.

4. – Число учеников, точно неопределенное, колеблется между 120 – 130.

5. – Сообразно распространению буддийского учения в Монголии и калмыцких степях на тибетском языке, преподавание в академии ведется на тибетском языке.

6. – Чойри состоит в ведомстве Департамента духовных дел иностранных исповеданий под непосредственным начальством Астраханского губернатора и Ламы калмыцкого народа.

7. – Чойри состоит в ответственном заведывании Ламы Калмыцкого народа и старшего улусного Бакши по месту нахождения Чойри.

8. – В академии 13 классов, сообразно чему курс учения 13ти-летний. Кроме того, имеется пять годичных повторительных курсов.

9. – Чойри содержится на средства, получаемые от хурулов в порядке §§ 42 и 43 сего устава.

10. – Академия Чойри помещается на урочище «Амта-Бургуста» Малодербетовского улуса в деревянном доме, пожертвованном нойоном Давид-Церен-Тундутовым, а ученики размещаются в 48 кельях, построенных близ академии на средства Агван-Хамбо Дорджиева, Кармыкова и Шантаева.

11. – Директор и преподаватели академии избираются советом, состоящим под председательством старшего Бакши из начальников хурулов того улуса, где учреждена Чойри.

12. – Начальствующие в Чойри лица суть: 1) Чорян-Хамбо (директор) 2) Шунлеви (инспектор-экзаменатор) 3) Гесгю (смотритель, классный наставник) 4) преподаватели, 5) Унзут (регент, капельмейстер), 6) Шанзаб (казначей) и 7) Зама (эконом).

13. – Хамбо предлагает расписание занятий (распределяет уроки, устанавливает время общих занятий и молитв), наблюдает за чистотою выполнения обетов, налагаемых на каждого ученика его духовным саном, строго наблюдает за соблюдением правил винайи.

14. – Шунлеви при производстве ежегодных экзаменов, а также экзаменов на ученые степени, задает экзаменующимся темы, выбираемые из пяти вышеупомянутых курсов.

15. – Гесгю наблюдает за благочинием во время собраний учащихся на богослужении и в часы классных занятий.

16. – Преподаватели дают уроки. Точно также дают уроки и все вышеуказанные и перечисленные должностные лица.

17. – Унзут начинает богослужение, указывает порядок чтений, ритм и тон песнопений.

18. – Шанзаб в составе особого хозяйственного комитета ведет счет прихода и расхода академии по выданной от губернского начальства шнуровой книге.

19. – Зама заведует продовольственной частью академии.

20. – По примеру Тибета, Монголии и бурятских стран,

преподаватели Чойри за свою службу никакого жалованья не получают.

21. – Преподаватели Чори, единственно обязанные строго следить за правильным ходом учебного дела и добрым поведением воспитанников, никоим образом не должны разъезжать по улусу с целью получения каких-либо доходов или вмешательства в светские дела.

II. Состав учащихся

23. – В Чойри принимаются способнейшие из хурульных учеников, успешно прошедшие курс хурульного учения, удовлетворительно читающее по-тибетски и выдержавшие при своем хуруле надлежащий экзамен.

24. – Из больших хурулов может быть принимаемо в академию приблизительно по 10 учеников, а из малых приблизительно по 5 учеников.

25. – В академию принимаются ученики в возрасте от 15 до 25 лет.

26. – Вставши на рассвете, ученики молятся в кельях. Перед восходом солнца по свистку раковины или барабанному бою, собравшись, согласно требованию винайи, в здание академии на общую молитву, по прочтении таковой, диалектическим методом повторяют заданные уроки. Затем отправляются в дома учителей и берут уроки. В обед по звонку (свистку раковины) вновь точно также собираются в здание академии и по прочтении молитвы отвечают уроки, затем, разойдясь по домам учителей, вновь берут уроки, после чего расходятся учить их по своим кельям. Вечером по звонку собираются в здание академии на общую молитву, после которой расходятся по кельям ужинать. – Летом ученики должны ложиться в 10 часов вечера и вставать в 5 час. утра. Зимой – ложиться в 12 часов ночи и вставать в 7 час. утра.

Примечание. – Объясненный выше порядок дня в некоторые месяцы года распоряжением директора изменяется. В такие месяцы бывают только утренние и обеденные занятия, но без диалектических упражнений. Вечерних собраний не бывает, но ученики вечером собираются на открытом воздухе и громко читают вслух перед директором, учителями и Гесгю пройденные днем уроки.

27. – Пища, принимаемая учениками Чойри, должна быть жидкою наподобие чаю или кумыса; твердую пищу, как например мясо, принимать воспрещается, согласно предписаниям винайи, как затемняющую рассудок и наводящую сонливость.

28. – Ученикам запрещается без определенного дела посещать друг друга, заниматься праздными разговорами и, наоборот, вменяется в обязанность прилежно изучать заданные уроки.

29. – Ученикам воспрещается допускать какую-либо роскошь как в здании кельи, так равно в одежде, домашней утвари и т. п., согласно предписанию винайи.

30. – Во время прохождения курса Чойри ученики не имеют права разъезжать верхом или на подводах. В случае необходимости в отлучке обязаны брать отпуск от учителей и Гесгю по срочному билету, просрочивать каковой воспрещается.

31. – Разрешается брать отпуск в два срока в году: с 15 апреля по 20 мая и с 25 сентября по 15 октября.

32. – Отлучки разрешаются, по требованию винайи, только в родной хурул.

33. – Разъезжать по ярмаркам и базарам, пить водку, курить табак, играть в карты и т. п. строго воспрещается.

34. – Начальники хурулов и аймачные старшины наблюдают за своевременной явкой учеников в академию.

35. – За нарушение правил об отпусках, постановленных в предыдущих статьях сего устава, директор и Гесгю академии подвергают виновных дисциплинарным взысканиям, установленным во всех подобных школах Тибета и Монголии.

36. – За своевременным вставанием, посещением академии и прочими выше постановленными обязанностями учеников Чори строго наблюдает Гесгю.

III. Учебная часть

37. – Время года и часы дня занятий определяются постановлениями статьи 26 и проч. сего устава.

38. – В Чойри преподаются следующие предметы: в первых четырех классах – творение буддийских (богословов) пандит в изложении пандиты Дармакирта; с пятого курса по девятый включительно – «Юми» (догматика); в 10 и 11 сочинения Чандракирты и Занкавы; в 12 – «Абид’арма» (Герменевтика) и в 13 – «Винайя» (Аскетика).

39. – К числу обязательных предметов преподавания в Чойри относятся изучение, по окончании девяти богословских классов, русской разговорной речи и чтения).

40. – Окончившим курс учения в Чойри и выдержавшим экзамен на ученую степень в комиссии, состоящей под председательством Хамбо из всех начальствующих в Чойри лиц, в присутствии всех учеников, – дается звание «до-рамбо» (окончившим первым) «Габджо» (окончившим вторым) и «Габши» (окончившему третьим); окончивший четвертым и т. д. ученый степени не получает.

Примечание. – Экзаменуемойся во время экзамена жертвует всем экзаменаторам, каковыми являются главным образом ученики академии, – чай, тугуши (баранки), будан (похлебка) и рис. Запрещается делать очень ценные пожертвования экзаменаторам в устранение сложившегося в Тибете и Монгольских странах обычая.

41. – По окончании девяти первых курсов ученики академии держат экзамены на звание «пар-чин-дома», группами по 5 человек.

Примечание. Первый экзаменуемыйся жертвует продовольствие для своих однокурсников в течение одного дня. Воспрещается при этом жертвовать ходики, деньги и т. п.

IV. Хозяйственная часть

42. – Ежегодный расход Чойри должен выражаться приблизительно в сумме 2671 рубль, каковая сумма вносится в Чойри восемнадцатью Дербетовскими хурулами: большие хурулы вносят по 214 рублей в год, а малые по 107 рублей в год каждый.

Примечание. – На 5100 р. основного капитала Хамбо-Ламы Дорджиева при Чойри содержится лавка и пекарня, дающие приблизительно 1000 руб. годового дохода, каковой зачисляется в средства академии.

43. – Упомянутый в статье 19 сего устава Хозяйственный совет состоит из старшего бакши улуса, его кандидата и Шанзаба.

Проект устава хурульной жизни и обучения хурулов с/ч Малодербетовского улуса

Г. Министр Внутренних Дел, утвердив основание буддийской духовной академии Цанит-Чойри в Малодербетовском улусе Астраханской губернии, предложил чрез Департамент Духовных дел г. Астраханскому губернатору выработать проект устава академии, каковой и был выработан Г. Попечителем Малодербетовского улуса совместно с ученым Агван-Хамбо Дорджиевым при содействии Старшего Бакши Музаева, Бава-Гелюнга Кармыкова и Кару-Бакши Шюгюльдыкова. Одобрив этот проект устава академии – Чойри, мы нижеподписавшиеся, согласно оному и согласно велениям буддийской веры, выработали нижеследующий проект устава хурулов своего улуса.

I. Хурульное духовенство, без различья возраста, должно безотлучно находиться при своих хурулах. Отлучки разрешаются лишь в случае крайней надобности хурульным бакшей по докладу Гебко. На отлучки начальником хурула выдаются срочные отпускные билеты, просрочка коих без уважительных причин карается наложением епитимии. Духовенству, безусловно, воспрещается посещать ярмарки, базары и села,

кроме случаев крайней необходимости. За употребление спиртных напитков духовные лица, без различья возраста, подлежат исключению из хурулов. Старший Бакша и его кандидат имеют принять строжайшие меры к безусловному воспрещению в хурулах картежной и шахматной игр и курения табаку. Духовенство не должно носить черных сапог русского изделия, как очень дорогой обуви.

II. В настоящее время нельзя отличить образованного ховарака от необразованного: всех уравнивает бессистемность хурульного преподавания. Поэтому представляется установить необходимым курсовую систему в хурульных духовных школах.

– 1-й класс. Изучение азбуки. «Укал», «Бага-Манла», «Ар-ван-йөрөл».

– 2-й класс. «Ламин-Чодбо», «Макталмуд», «Солдобмюд», «Ики-Манла» и проч.

– 3-й класс. «Ханчалмуд», «Самдак», «Данджюр» и проч.

– 4-й класс. «Джаврус» (с переводом), «Эремнюдин-Тялвермюд», «Бичкин-Бодмирмюд» и проч.

– 5-й класс. «Горбон-Гол», «Чанта-Бодимир», «Намштуд», «Тялвермюд».

– 6-й класс. «Арван-Гурван Дулва» (13 томов винайи), «Лицигюд» и проч.

– 7-й класс. «Джирмюд», «Банштюд», «Тиг» и проч.

– 8-й класс. «Люгсюнгюд», «Тужис», «Иансан Рынджен-Бумбя», «Джачир-Ролвай» и проч.

– 9-й класс. «Бендел», «Бебом-Гомбо», «Пачо», «Бючо» и проч.

– 10-й класс. «Парчин», «Ума», «Зод», «Да», «Нянгек» и проч.

– 11-й класс. «Лунг», «Тит», «Джинанг», «Бангут» и проч. «Эвел», «Мегзем», «Идемин-Нимбе"- «Дабталга» (Созерцание).

Классы духовной медицины:

– 1-й класс. «Джюдши», «Хлаптап».

– 2-й класс. «Джюдшин», «4 тьялбир-мюд», «Чагмин», «Тонгжид».

Окончившим эти два класса дается звание «эмчи» (доктор).

Классы на звание Зурхачи:

1-й класс. «Джюмбе-Гюндю», «Зыши» (заучивание наизусть), «Чолу Табилган», «Лите и Зарангах Дюнджюд» и проч.

2-й класс. «Бендерья-Гарва», «Чога-чаглин-Ише».

Желающий изучать медицину и зурхан-ном должен обладать знанием 4 или 5 классов из перечисленных выше 11-ти. Окончивший 4 класса имеет право получить грамоту манджика. Окончивший 5 классов может

получить грамоту гелюнга или гецюля. Окончивший все 11 классов может исполнять Авшик, Джиньнг, Самбар, Арване, панихиды и вообще все духовные требы беспрепятственно, как Бакша, Лама и Хамбо.

В каждом классе должны производиться экзамены Старшим Бакшею и его кандидатом, которые выдают от себя аттестаты и похвальные листы. В хурульные школы, со времени утверждения сего устава, должны приниматься ученики в возрасте от 15 лет и моложе.

III. Разъезжая повсюду, Старший Бакша и его кандидат живым словом проповеди должны разъяснять зло пьянства, картежных игр и прочих пороков, одинаково противных царским законам и заповедям веры.

IV. Ховаракам без духовной надобности строго воспрещается отлучаться от хурулов в хотоны мирян.

V. Наблюдение за точным исполнением всего вышеизложенного возлагается на хурульного Бакшу и Гебко, а главным образом на старшего Бакшу и его кандидата Северного улуса, а в южном улусе на заведующего хурулами и его кандидата, которые должны периодически объезжать улусы для проповеди. Ховараков, нарушающих обеты и заповеди Начальник хурула, Старший Бакша и его Кандидат лишают духовного сана и обращают в простолюдины.

Все вышеизложенное утвердили мы, нижеподписавшиеся.

Примечания

- ¹ - См. Прав. Соб. 1908 г. ст. «Философия буддизма».
- ² - Подробный проект устава хурульной жизни помещен ниже на стр. 9–15.

Содержание

Иеромонах Гурий Нигилистический принцип буддийской философии и современные течения в ламаизме священномученик Гурий (Степанов)	1
Примечания	18